

вводить вновь открытые данные». ⁴⁷ Называя Д. И. Прозоровского «отцом русской метрологии», С. К. Кузнецов указал, что его труды «достаточно оценены ученой критикой и по многим вопросам метрологии нет других работ». ⁴⁸

Влияние лекций Д. И. Прозоровского ощущается и в лекциях сменившего С. К. Кузнецова на кафедре метрологии Московского археологического института И. И. Успенского, ⁴⁹ и в первой работе по вспомогательным дисциплинам А. М. Большакова ⁵⁰ (слушателя Петербургского археологического института в 1916 г. ⁵¹), вышедшей в советское время. Фактический материал лекций Д. И. Прозоровского был критически осмыслен и использован в советский период в работах И. Ф. Колесникова (окончившего Петербургский археологический институт в 1898 г. и Московский археологический институт в 1907 г.), ⁵² Н. В. Устюгова ⁵³ и Л. В. Черепнина. ⁵⁴

Значение работ Д. И. Прозоровского по метрологии, его теоретические взгляды, приемы исследования, поднимаемые вопросы, круг использованных источников интересны как для изучения историографии вспомогательных исторических дисциплин, так и для углубления знаний о древних единицах измерения, для лучшего понимания достижений советских историков и тех задач, которые сейчас стоят перед исследователями русской исторической метрологии.

Т. В. АНДРЕЕВА

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В РАБОТАХ П. М. СТРОЕВА

Начало творческой деятельности П. М. Строева пришлось на время, когда русской историографией были поставлены два важнейших вопроса, определивших развитие истории как науки: во-первых, о понятии исторического процесса, т. е. внутренней связи исторических событий, их обусловленности и определен-

⁴⁷ Там же, с. 35.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Успенский И.* Программа по метрологии. — В кн.: Программы лекций, читаемых в МАИ: Курс 2-й. М., 1944, с. 57—59. — Программа была составлена в марте 1914 г.

⁵⁰ *Большаков А. М.* Вспомогательные исторические дисциплины. 3-е изд. Пг., 1923. 323 с.; 4-е изд. Л., 1924. 354 с.

⁵¹ ЛГИА, ф. 119, оп. 1, д. 410, л. 80.

⁵² Памяти Ивана Филипповича Колесникова. — В кн.: Тр. Моск. гос. ист.-арх. ин-та. М., 1954, т. 7, с. 227—238.

⁵³ *Устюгов Н. В.* 1) Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. Ч. 2. Метрология. М., 1939. 64 с.; 2) Очерк древнерусской метрологии. — Ист. зап., 1946, т. 19, с. 294—348.

⁵⁴ *Черепнин Л. В.* Русская метрология. М., 1944. 94 с.

ной направленности; во-вторых, о самом познании этих событий на основании свидетельств источников, т. е. проблема источниковедения.¹ Оценивая влияние общественно-политических взглядов и классовых позиций исследователей XVIII в. на характер и специфику работы историков, С. Н. Валк отмечал, что «каждая историографическая теория определяла собою и круг источников, пригодных для ставимых ею целей... а перемена историографических взглядов влекла за собой и переоценку совокупности исторических источников». Отсюда он заключал, что «сам характер работы над источником и ее методика... находятся в теснейшей зависимости от характера руководящей историографической теории».² Следовательно, наличие в русской историографии в конце XVIII—начале XIX в. двух течений — дворянско-монархического и нарождающегося буржуазного — отразилось на различии в подходе к выбору источников и в методике работы с ними.

На русскую историческую науку первой половины XIX в. немалое влияние оказало буржуазное направление, получившее в литературе название «скептического» и возглавляемое М. Т. Каченовским. По мнению некоторых исследователей, к «скептикам» принадлежал и П. М. Строев.³ С этим мнением можно согласиться, но лишь с некоторыми оговорками.

Идеи исторической критики, перешедшие в XIX в. из XVIII в., теперь с появлением новых философских идей, накоплением фактического материала и расширением круга исторических источников существенно изменились и усложнились. Знакомство с работами Нибура способствовало переходу от «низшей» критики А. Л. Шлецера к критике школы Каченовского, исходным положением которой было отрицание достоверности древнейших памятников, основанное на мнении об их сравнительно позднем появлении и общих представлениях о «дикости» и «варварстве» Киевской Руси.⁴

Несомненно, Строев, как и многие его современники, испытал заметное влияние исторической критики Каченовского. «Тщетно воображать, что дело отечественной истории кончено: критицизм едва возникает, без него верность бытий уже ли возможна?» — писал он.⁵ Строев полностью присоединяется к требованиям «скептиков» относиться к истории как науке, устанавли-

¹ *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941, с. 9.

² *Валк С. Н.* Исторический источник в русской историографии XVIII в. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1934, № 7—8, с. 38.

³ *Сахаров А. М.* Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978, с. 108; *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983, с. 166.

⁴ *Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в первой трети XIX в.*: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976, с. 12.

⁵ *Строев П. М.* Ключ к «Истории государства Российского» П. М. Карамзина. М., 1836, с. 1.

вать подлинность источников, выступает против «ложного и сомнительного» в памятниках и считает сомнение необходимым элементом источниковедческого исследования. Однако ему чужд «неограниченный скептицизм» Каченовского, основной тезис которого основывался на том, что до XIII в. Древняя Русь не могла иметь Нестора и «от ранних веков не дошли подлинные ни летописи, ни Русская Правда».⁶ Для Строева, как и для других источниковедов, достоверность древнейших памятников не вызывает сомнений, и главное значение для него имеют свидетельства самих источников, на которых он основывал свои выводы. В этом смысле весьма характерна рецензия Строева на статью К. Ф. Калайдовича «Разыскания о пришествии Рюрика в Ладогу»,⁷ в которой рецензент полностью присоединяется к мнению автора. К. Ф. Калайдович, рассматривая противоречивые свидетельства разных списков Начальной летописи о приходе дружины Рюрика на Русь, связывает его только с Новгородом и отвергает возможность появления Рюрика в Ладоге.⁸

Таким образом, Строев далек от мысли, что «древняя история наша недостоверна». С этих же позиций исследователь подходил к проблеме источников Повести временных лет, полагая вслед за Шлецером, что основу ее составляли греческие и византийские хроники. Когда в 1819 г. Строев занимался описанием библиотеки гр. Ф. А. Толстого, то обнаружил там древний славянский перевод византийского источника Нестора, так называемый «Временник Георгия Амартола». Но, введенный в заблуждение Шлецером, который считал, что основой русскому летописцу служила византийская летопись Кедрина, Строев полагал тогда временник Георгия Грешного (^εΑμαρτόλωρ) летописью Кедрина, так как последнего звали тоже Георгий.⁹ Впоследствии, однако, Строев пришел к мысли, что именно из Георгия Амартола Нестор заимствовал сведения. Об этом свидетельствует письмо Строева А. Ф. Малиновскому от 12 декабря 1822 г., в котором он основательно доказывает данное положение.¹⁰ Следовательно, честь открытия византийского источника Нестора принадлежит Строеву. Заметка об этом сюжете была опубликована в 1827 г. в «Северном архиве», а в 1828 г. — в «Московском вестнике» и сделалась достоянием науки.¹¹

⁶ Каченовский М. Т. О баснословном времени в российской истории. — Учен. зап. Моск. уп-та, 1833, № 2, с. 287.

⁷ Сын отечества, 1815, № 52, с. 255.

⁸ Поскольку доказательства Калайдовича о приходе Рюрика в Новгород основаны не на древнейших списках и приведены без учета двух разных летописных версий о Рюрике — ладожской и новгородской, — о чем писал А. А. Шахматов, их нельзя считать достаточно убедительными. Об этом см.: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981, с. 49—52.

⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 49—52.

¹⁰ ЧОИДР. М., 1882, ч. 1, с. 250—251.

¹¹ Северный архив, 1827, ч. 21, № 11, с. 217; Московский вестник, 1828, ч. 12, № 18, с. 167—183.

При характеристике Несторовой летописи Каченовский также пытался выявить ее составные части и определить источники ее происхождения (греческие и византийские хроники). Однако он выборочно сопоставлял их друг с другом лишь с целью доказать, что летопись была написана не ранее XIII в. и основывалась главным образом на иностранных источниках. При этом Каченовский исходил из верной идеи взаимодействия народов в их историческом развитии, но переносил на прошлую историю страны представления об отставании культурного развития Руси от стран Западной Европы.

И хотя за крайностью этих выводов стояли новые, в основном правильные, методические приемы, вытекавшие из понятий о единстве исторического процесса, все же критика «скептиков» оказалась в позитивной части бесплодной вследствие недостаточности их конкретных исторических знаний.¹² Как заметил А. Е. Пресняков, «польза Каченовского — педагогическая, ничего положительного в области русской истории он не сделал».¹³

Расхождения Строева с установками «скептической» школы сказываются и в оценке им русской историографии XVIII в. Точка зрения Каченовского и его последователей на этот счет отражала негативный подход «скептиков» к наследию русских историков XVIII в. По их мнению, нельзя было в XIX в. следовать за В. Н. Татищевым и И. Н. Болтиным, поскольку последние в соответствии с уровнем развития исторической мысли своего времени допускали ошибки, связанные главным образом с оценкой исторических источников. И хотя в своей основе критика «скептиков» по этому вопросу была верной, их крайний нигилизм по существу приводил к отрицанию всякого положительного вклада историков XVIII в. в развитие науки.¹⁴

В связи с этим высказывания Строева относительно «татищевских известий» представляются гораздо более объективными по сравнению с безапелляционным заявлением Стрекалова, что сочинения Татищева «не имеют никакого критического достоинства». В целом критически оценивая творчество Татищева, Строев ни в коей мере не умаляет значения трудов этого крупного историка: «Сей ревностный муж писал в то время, когда исторической критики в России совсем не знали. Можно выдумать одно происшествие, прибавить обстоятельства, к чести своего Отечества служащие, но возможно ли написать ряд ложных про-

¹² Рубинштейн Н. Л. Русская историография, с. 237, 240.

¹³ Пресняков А. Е. Лекции по русской историографии. — Архив ЛОИИ СССР АН СССР, ф. 297, оп. 1, д. 252, л. 10.

¹⁴ См.: Стрекалов Н. О сочинении Болтина. — Вестник Европы, 1836, ч. 7, № 11, с. 301—480; Строев С. М. О пользе изучения российской истории, преподаваемой проф. Каченовским. — Учен. зап. Моск. ун-та, 1833, № 4, с. 17—45; № 5, с. 219—280; 1834, № 7, с. 63—93; Сазонов К. Об исторических трудах и заслугах Г. Ф. Миллера. — Там же, 1835, № 1—2, с. 130—148, 306—324.

исшествий! Зачем быть неблагодарными! Он первый принялся за русскую историю, а разве легко положить основание!»¹⁵

Подобный подход к рассмотрению сложной проблемы соотношения историографии и уровня развития источниковедения был оригинален и нов, поскольку еще со времен полемики М. М. Щербатова с И. Н. Болтиным историки неправомерно связывали вопрос о происхождении известий «Истории Российской» в основном с оценкой научной добросовестности ее автора. Вместо серьезного рассмотрения этой проблемы по существу ее часто оценивали с точки зрения этики, абстрактно рассуждая, «мог» или «не мог» Татищев «выдумывать» известия, и не учитывая особенностей и возможностей работы историка во время создания «Истории Российской».¹⁶ Поэтому заслугой Строева является попытка посмотреть на эту проблему в сопоставлении с уровнем развития историографии эпохи.

По нашему мнению, наибольшее влияние на Строева оказали взгляды Шлецера, что более всего прослеживается в его отношении к оценке исторического источника.

Впервые именно в работах Шлецера вопрос об источниках был поставлен по-новому. Шлецер, являвшийся представителем просветительно-буржуазной историографии Запада, оказал огромное влияние на русскую историческую науку этого времени. Вслед за Вольтером Шлецер впервые поставил вопрос о расширении содержания и проблематики исторических исследований и заявил о необходимости изучения внутренней истории государства и прежде всего законодательства. Под влиянием историографии просвещения он писал, что к «немалой века нашего чести... вкус к описанию сражений, побед и завоеваний переменился, ныне древние законы содержат в себе... точнейшее изображение... века».¹⁷

Заслуживает внимания и взгляд Шлецера на значение различных видов источников для исторического исследования. Сравнивая значение законодательных актов и летописей, он отдает предпочтение первым, так как «летописей сочинители суть private люди, иногда незнающие, а иногда пристрастные».¹⁸ Выше летописей он ставил и грамоты, причем под последними подразумевал не только дипломатические акты, которыми обычно пользовались официальные историки, но и акты, связанные с управлением, различными сторонами внутренней жизни государства, дающие прекрасный материал для воссоздания его истории. Вместе с тем важными источниками он считал и летописный материал.

¹⁵ Строев П. М. О родословии владетельных князей русских. — Сын отечества, 1814, № 26, с. 284—293.

¹⁶ См. об этом: Добрушкин Е. М. О методике изучения «татищевских известий». — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1977, с. 99.

¹⁷ Цит. по: Валк С. Н. Исторический источник..., с. 42.

¹⁸ Там же.

Заслугой Шлецера является четко разработанная система критики источника на разных этапах его изучения, или теория трех критических операций.¹⁹ Хотя Шлецер в своей конкретной работе нередко выдвигал неверные исторические и текстологические положения, его исследование «Нестор. Русские рукописи...», посвященное анализу древнерусского летописания, оказало серьезное влияние на русскую историографию.²⁰ Эта книга стала школой, через которую прошли почти все выдающиеся ученые.

Строев также испытал заметное воздействие шлецеровской теории критики источника. «Критические исследования Шлецера принесли великую пользу — он первый указал стезю, по которой должно нам следовать», — подчеркивал ученый.²¹ Еще в студенческие годы Строев собирался продолжить перевод «Нестора», начатый в 1800 г. Д. И. Языковым, о чем свидетельствует письмо Н. И. Греча от 12 июля 1815 г. Строеву: «Не считаю нужным напечатать письма Вашего в „Сыне отечества“, ибо остальные части Шлецеровской книги приятель мой Д. И. Языков перевел уже и они печатаются за счет Кабинета».²²

Вслед за Шлецером, впервые употребившим термин «источник», Строев также использует его в статье «О византийском источнике Нестора»,²³ а затем в другой своей статье «Об издании выписок из хронографов», где он пытается интерпретировать это понятие, указывая, что «к числу источников или материальных пособий нашей истории принадлежат так называемые хронографы».²⁴

Учение Шлецера об исторической критике, значение которого в той или иной форме сохранилось до наших дней, сказывается и в работах Строева. Следуя идеям «малой» критики, исследователь уже начиная с «Краткой российской истории...» проводит грань между рассказом современника и позднейшими истолкованиями событий. А в «Родословном чертеже...», повествуя о поколениях князей киевских и пронских и не находя достаточно свидетельств о них в летописях, Строев не доверяет позднейшим памятникам — Бархатной книге и Синописису.²⁵ Он считает неверной и дату основания Киева (830 г.), так как хотя

¹⁹ В. В. Фарсобин указывает на нестабильность разбивки операций по изучению текста у Шлецера — то две, то три операции, что привело к различному пониманию его критического метода. В целом же «утвердилось деление исторической критики на два рода, хотя их содержание не было однородно и назывались они по-разному» (Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод. М., 1983, с. 142—143).

²⁰ Козлов В. П. К. Ф. Калайдович..., с. 11.

²¹ Срезневский И. И. Труды П. М. Строева. — Зап. имп. Академии наук, 1865, т. VI, с. 136.

²² Письма Н. И. Греча П. М. Строеву. — РО ГБЛ, ф. 291, № 2249, д. 13.

²³ Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1828, ч. IV, кн. 1, с. 152—187.

²⁴ Северный архив, 1826, ч. 14, № 11, с. 217—224.

²⁵ Строев П. М. Родословный чертеж поколений владетельных князей русских. — Сын отечества, 1815, № 51, с. 208—209; № 52, с. 250.

она и указана «русскими и иностранными историками, но принадлежит к сказкам позднейших польских историков».²⁶ Нагляднее всего идеи «малой» критики сказываются в отношении Строева к данным генеалогии, приводимым в некоторых источниках. Он, например, писал, что «в больших сборниках, например в Никоновской летописи, Степенной книге, часто мы находим известия о происхождении многих князей. . . Но распространению родословия способствовало так называемое местничество. . . когда военные и гражданские должности получались посредством древности рода. . . это заставляло каждого дворянина иметь свое родословие, что подавало повод многим злоупотреблениям. Начали составляться ложные родословия, выводить князей никогда не существовавших».²⁷

Грамматическая критика, выполняющая свою подготовительную работу для «высшей» критики (в той постановке филологической задачи, как она была сформулирована Шлецером) не находит у Строева достаточного освещения. Но общая рационалистическая теория, т. е. «высшая» критика, свойственная просветительской и русской буржуазной историографии XVIII—начала XIX в., критика, основанная на «здравом смысле своего времени», характерна и для его взглядов. Действительно, Строев сознает разницу между отдельными списками источника и понимает, что не всегда она сводится лишь к вариантам, что между ними есть и существенные различия. Он пишет, что, «вооруженный глубокою проницательностью и строгою критикою, родослов (в данном случае речь идет об источниках Бархатной книги. — Т. А.) сличением нескольких книг, в разное время писанных, может отделить верное от подложного».²⁸

В 1818 г. в «Сыне отечества» Строев поместил свою рецензию на книгу профессора Харьковского университета Г. Успенского «Опыт повествования о древностях русских», изданную в Харькове в 1818 г. Полемизируя с автором книги относительно исторической критики источников, он замечает, что «историк должен иметь проницательный взгляд, тонкий, здравой критикою вооруженный ум. . . и вообще отличать истинное. . . от ложного и невероятного. . . Математическая точность должна им руководствовать; слепо следовать своим предшественникам была бы najważнейшая его слабость. . . История есть вернейшее зеркало прошедшего».²⁹

Кроме того, идеи «высшей» критики нашли свое отражение и в рецензиях Строева на две публикации, напечатанные в «Московском телеграфе»,³⁰ и на заметку, помещенную в «Северном архиве».³¹ Автор рецензий, основываясь, по выражению А. Л. Ша-

²⁶ Строев П. М. Краткая российская история в пользу российского юношества. М., 1814, с. V.

²⁷ Строев П. М. О родословии. . ., с. 286—288.

²⁸ Там же, с. 288.

²⁹ Сын отечества, 1818, № 31, с. 230—231.

³⁰ Московский телеграф, 1828, № 8, с. 476; № 9, с. 104.

³¹ Северный архив, 1828, № 3, с. 3—41.

пиро, «на здравом смысле просветительского источниковедения»,³² пытается выявить достоверность опубликованных источников. Строев берет, например, под сомнение подлинность дипломатического акта 1728 г., указывая: «...каким образом знаменитый российский дипломат в 1728 г. представил ноту императрице Екатерине I, когда ее величество 6-го мая 1727 г. переселилась от сея жизни в вечность!»³³ Логическое построение Строева заставляет его отвергнуть достоверность и двух других публикаций, поскольку датировка их противоречит исторической действительности.

Однако утверждения Шлецера, основанные на «рассудке», но отрицающие существование торгового пути «из варяг в греки», отрицающие факт значительного уровня развития Киевской Руси (Шлецер считал, что договоры Олега и Игоря с греками недостоверны), были чужды Строеву. В статье «О художнике Парампине»³⁴ Строев отмечает высокий уровень культурного развития Киевской Руси до татаро-монгольского нашествия, существование в древнерусских городах великолепных храмов с прекрасными образцами живописного искусства. Исследователь пишет о золотых дел мастере Козьме, который «вырезал печать своей выдумки», отмечает ювелирного мастера, именуемого в источниках «Парамшиным», чьими иконами благославляли своих детей «все великие князья начиная с Иоанна Иоанновича».

Кроме того, Строев обратил внимание на роль торговли в развитии русской государственности. Возможно, под воздействием идей экономиста Г. Шторха, выдвинувшего в начале XIX в. теорию о значении древней торговли на Руси,³⁵ он считал, что торговля имела главным образом транзитный характер на пути «из варяг в греки». Одним из ее последствий, как указывал Строев, было основание городов: «...построение города Киева объясняется самым естественным образом: на этом месте был важный (торговый. — Т. А.) перевоз».³⁶

Сознавал Строев и ошибочность убеждения Шлецера, что *Временник Нестора* — это первая русская летопись. Он писал: «Много писано в новое время о Несторе, монахе киево-печерском, летописателе, но критика не довольствуется гипотезами (Шлецер. *Нестор*. Ч. I, с. 3—19). Да и где летопись Несторова? Ужели в сборниках позднейших веков, в коих она будто бы образует начало... Подобное мнение указывает только на отсутствие критики в нашей истории».³⁷

³² Шапиро А. Л. *Исторнография с древнейших времен по XVIII в.* Л., 1982, с. 221.

³³ *Московский вестник*, 1828, № 13, с. 77—82.

³⁴ *Сын отечества*, 1814, № 6, с. 239—243.

³⁵ См. об этом: *Миллюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1897, т. I, с. 109—111.

³⁶ *Строев П. М.* Краткая российская история. . . , с. V.

³⁷ *Строев П. М.* Хронологическое указание материалов отечественной истории, литературы, правоведения до начала XVIII в. — *ЖМНП*, 1834, № 2, с. 152.

В целом же теория критики источников Шлецера оказала значительное влияние на Строева, о чем свидетельствует тот факт, что он в полном согласии с идеями просветительства высказывается в пользу необходимости изучения внутренней истории страны, о большем внимании к исследованию обычаев и законов, нравов, торговли, финансов, населения. В этой связи он ставит вопрос о привлечении новых источников, который получает свое окончательное оформление в его речи 14 июня 1823 г. в Обществе истории и древностей российских при Московском университете о «необходимости изысканий памятников отечественной истории» и об «исторической экспедиции для сбора оных» (кроме летописных сводов Строев предлагал изыскивать актовый материал внутреннего управления, хранящийся в местных архивах и библиотеках).³⁸

Эти идеи в дальнейшем были развиты им в работах по истории Сибири. История Сибири давно интересовала Строева. Еще в 1817 г. он представил в Цензурный комитет труд, который долгое время оставался неизвестным исследователям, — «Критический розыск к объяснению и поправлению бытосказаний и хронологии в начальной истории Сибирского царства». Он поступил в комитет 11 июня 1817 г. и был передан на рассмотрение цензора М. М. Снегирева, который запретил его издание. Анализ и судьбе этого произведения посвящено сообщение В. М. Моргайло, который оценивает строевскую работу как «определенное явление в развитии русской историографии и источниковедения».³⁹

Единственное упоминание об этой работе в дореволюционной литературе имеется в книге Н. П. Барсукова, где он довольно подробно передает историю запрещения «Критического розыска...», согласно которой цензор (В. М. Моргайло указывает, что цензором рукописи был М. М. Снегирев, а не И. А. Гейм, как пишет Барсуков) отправил сочинение на рассмотрение директору Московского архива Коллегии иностранных дел, где в то время работал Строев, А. Ф. Малиновскому. А. Ф. Малиновский ответил: «... рукопись не может быть пропущена, поскольку без позволения высшего дипломатического начальства никто не может заимствовать подлинных документов из архива, даже ссылаться на них, потому что мнимо-критический розыск Строева... опирается на грубых... выражениях против покойного г. Миллера, которому отечественная история наша обязана столь многими открытиями».⁴⁰ Таким образом, рукопись, представляющая несомненный интерес для специалистов, осталась неизданной. В своем «Критическом розыске...», как пишет В. М. Моргайло, Строев рассматривает целый ряд вопросов, связанных с изуче-

³⁸ Северный архив, 1823, № 19, с. 1—27.

³⁹ Моргайло В. М. Неизвестная работа П. М. Строева. — История СССР. 1965, № 4, с. 151.

⁴⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 57.

нием летописных материалов и официальных актов о династиях сибирских ханов, о походе Ермака в Сибирь. Он заново изучает уже известные сибирские летописи и акты, привлекает новые материалы, найденные им в Архиве Государственной коллегии иностранных дел, — грамоту 1597 г. царя Федора Иоанновича хану Кучуму, их переписку и др. Кроме того, статья Строева — это полемика с Г. Ф. Миллером, считавшимся авторитетом по истории Сибири. Высоко ценя миллеровский труд, Строев, однако, увидел и многие несообразности и неточности «Истории Сибири». ⁴¹

Выводы В. М. Моргайло о неизвестной работе Строева представляются весьма интересными. Вызывают сомнение только соображения о случайности обращения Строева к сибирской тематике. Между тем уже в книге Н. П. Барсукова есть указания на то, что Строев собирался издать «Сибирский летописец». И позже он не «оставлял своих занятий любимым предметом», о чем свидетельствуют собранные им «Материалы по истории Сибири» ⁴² и напечатанная в 1825 г. в «Московском телеграфе» статья «Статистико-финансовая картина по истории Сибири в 1698—1700 гг.». ⁴³

Под «статистикою» Строев понимал то, что понимали под ней историки XVIII в. (М. М. Щербатов, А. Я. Шлецер) — описание всех сторон жизни страны и народа.

Особый интерес представляет в этой связи сама постановка вопроса о роли и значении «статистической» истории для полноты воссоздания прошлого, причем под этим подразумевалось «изображение народных сил, достатка, промыслов, торговли при известных эпохах». Действительная картина былого страны создается, по мнению Строева, постижением внутренних причин развития: «... внешний вид народов обманчив... только точное исследование внутреннего доводит нас до истины». Не менее интересной является мысль исследователя о том, что исторические труды, основанные на «бытописании, т. е. на некоторых общих событиях, биографиях владельцев, полководцев и других лиц, односторонние и не дают верного познания истины и только статистика освещает историю». ⁴⁴ Этот тезис тем более интересен, что задачи официальной историографии, которые и у Татищева, и у Щербатова сводились к воспроизведению деяний князей и государей, военной и дипломатической истории, но не внутренней истории государства, были известны Строеву. Несомненно, в его позиции по этому вопросу нашли непосредственное выражение просветительские идеи, довольно прочно утвердившиеся с конца XVIII в. и предъявлявшие новые требования к историческому исследованию, требования «более точных дат... деталей,

⁴¹ Моргайло В. М. Неизвестная работа П. М. Строева, с. 151—152.

⁴² Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 58.

⁴³ Московский телеграф, 1825, ч. 6, № 21, с. 45—57, 139—180.

⁴⁴ Там же, с. 45—51.

достоверности, более внимания к обычаям и законам, правам, торговле, финансам, земледелию, населению».⁴⁵ В связи с этим вполне понятно обращение Строева к экономической истории Сибири конца XVII в., причем главное внимание автор уделит торговле, ремеслу, населению, городам, источникам доходов и расходов. Заслугой его является также попытка представить имеющийся материал в виде таблиц и математических выкладок, основанных на официальных документах о состоянии финансов в Сибирском приказе с 1698 по 1700 г.⁴⁶

Касааясь вопроса о новых источниках, П. М. Строев высказывает интересное мнение о значении различных их видов. Сравнивая летописи и грамоты, Строев готов поставить грамоты выше летописей, указывая, что «будет дорожить летописями за неимением иных источников, но со временем благоразумная критика ограничит безотчетное к ним доверие».⁴⁷ А в своем отчете о шестилетней работе Археографической экспедиции, зачитанном в 1834 г. в Академии наук, Строев предложил одну из самых простых и удобных систем классификации письменных источников, разделив их на два разряда — «акты» и «писания». К последним он относил «летописи... повести и сказания... послания владык... переписки... и проч. и проч.». Он указывал, что «исторической критике здесь довольно хлопот и весьма важных: утвердить степень достоверности каждого (источника — Т. А.), иначе невозможно употреблять их в дело».⁴⁸

Важное значение для изучения русских летописей имела мысль Строева о сложном составе летописных текстов, о том, что все они являются сборниками или «сводами» разнородного предшествующего материала.

Осматривая и делая описание монастырей Московской епархии в 1819 г., Строев обнаружил в Воскресенском монастыре сборник, содержащий Пространную Русскую Правду в составе летописи, которая, по мнению С. Н. Валка, в 1791—1792 гг. была использована И. П. Болтиным.⁴⁹ В 1820 г. по предложению гр. Н. П. Румянцева Строев, положив в основу более ранний список, хранящийся в библиотеке гр. Ф. А. Толстого, издал 1-ю часть — летопись под названием «Софийский временник».⁵⁰ В «Предисловии» к изданию исследователь попытался показать сборный состав дошедших до нас летописей, подчеркивая, что «первоначальные летописи неизвестны нам ни в подлинниках, ни в списках... до нас дошли одни сборники более или менее

⁴⁵ Цит. по: *Валк С. Н.* Исторический источник... с. 33.

⁴⁶ Московский телеграф, 1825, ч. 6, № 21, с. 51—57, 139—150.

⁴⁷ Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, всея Руси самодержцев / Под ред. П. М. Строева. М., 1844, с. II.

⁴⁸ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева, с. 277.

⁴⁹ *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в. — АЕ за 1958 г. М., 1960, с. 138.

⁵⁰ Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1425 г. / Изд. Павел Строев. М., 1820, ч. I. 456 с.; СПб., 1821, ч. II. 495 с.

полные, обстоятельные или краткие». Развивая свою мысль, он продолжал: «... но собиратели их, хотя трудолюбивые и ревностные, были большей частью люди без всякого просвещения. Почерпывая из разных источников, они вносили в свои сборники только то, что по ограниченным их попятням и обстоятельствам местным казалось им любопытным: иное пропускали, иное сокращали... Таким образом, образовывались громады исторических материалов, которые известны у нас под общим названием летописей».⁵¹

Таким образом, при оценке этого вида исторических источников Строев был одним из первых исследователей, высказавших мысль о сводном составе летописей, на что обратил внимание В. О. Ключевский.⁵²

Эти идеи Строева открыли, по справедливому замечанию В. И. Буганова, «новые перспективы летописеведения, так как они исходили из представлений о чрезвычайно сложном составе текста летописей, наличии в них разновременных слоев, принадлежавших разным составителям, отстоявшим друг от друга по времени составления».⁵³ В дальнейшем положения Строева были развиты А. А. Шахматовым, который применил к изучению метод логически смыслового анализа и тем самым вышел за пределы установленного Строевым взгляда на летописный свод как на механическое соединение разнообразных материалов. А. А. Шахматов видел в летописи отражение сознательной деятельности летописца, создавшего свое произведение под влиянием политических идей своего времени.⁵⁴

Таким образом, новое понимание в XIX в. идей исторической критики обусловило возникновение двух направлений в русской исторической науке: «положительного» и «отрицательного» («скептического»). На это обратил внимание еще В. Г. Белинский, который писал: «Теперь у нас две исторические школы — Шлецера и Каченовского. Одна опирается на древности, привычки к авторитету ее основателя; другая основывается на „здоровом смысле“ и глубокой учености... Смысл раскола среди последователей Шлецера заключался в том, что молодое поколение захотело идти дальше Шлецера».⁵⁵

Позиция первого из них — «положительного» направления, основанная на шлецеровском понимании задач исторической критики, и была характерна для исследователей-источниковедов кружка Н. П. Румянцева (К. Ф. Калайдовича, Н. Н. Бантыш-Каменского, А. Х. Востокова и др.), в который входил и П. М. Строев. Члены кружка выступили с широкой программой

⁵¹ Там же, с. X—XI.

⁵² Ключевский В. О. Соч. М., 1959, т. VI, с. 27.

⁵³ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975, с. 10.

⁵⁴ Об этом см.: Лизачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 14—17.

⁵⁵ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13-ти т. М., 1955, т. 7, с. 59.

разработки русской истории, полагая, однако, что при существующем состоянии изучения исторических источников еще рано писать историю государства в целом. Необходимо было, по их мнению, первоначально собрать источники и критически их обработать. Только после такой подготовительной работы можно писать подлинную историю России. Такая программа вполне отвечала нуждам науки и вытекала из состояния исторических знаний этого времени.

«Сначала должно собирать воедино сии повсюду разбросанные летописи и другие обильные материалы, привести их в известность, дабы доставить критикам случай ими воспользоваться... Когда известия... будут рассмотрены, сличены, проверены и очищены критикою, тогда только с достоверностью можно будет писать сочинения прагматические», — отмечал П. М. Строев.⁵⁶ С его именем как раз и было связано выполнение этой весьма трудоемкой по своему объему и сложности работы.

⁵⁶ *Строев П. М. О древних летописных сводах и Софийском временнике.* — Зап. имп. Академии наук, 1865, т. VI, с. 135.